

УДК 329.11

Куликов В.И., Ширинянец А.А.
(г. Москва)

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты консерватизма как идеологического и мировоззренческого феномена, различные интерпретации природы и сущности консерватизма, определяются факторы его реактуализации в современном политическом и социальном контексте. Обоснован вывод о том, что сегодняшний дрейф российской политической системы в направлении консерватизма объективен, напрямую определяется актуальной повесткой дня и отвечает запросам нынешней политической элиты России.

Ключевые слова: консервативная идеология, современная Россия, консервативная революция, политические трансформации, политическая модернизация.

V. Kulikov, A. Shirinyants
(Moscow)

CONSERVATIVE DISCOURSE IN THE CONCEPTUAL SPACE OF MODERN POLITICAL SCIENCE

Abstract. The article considers the characteristic features of conservatism as an ideological and philosophical phenomenon, as well as different interpretations of the nature and essence of conservatism. Besides, the causes of its growing demand in the recent political and social context are presented. It is proved that the current drift of the Russian political system in the direction of conservatism is closely connected with the challenge of the relevant agenda of the day and meets the interests of the modern Russian elite.

Key words: conservative ideology, modern Russia, conservative revolution, political transformations, political transformation, political modernization.

Существующие тенденции в политике, экономике и праве генерализуются в рамках общей мировоззренческой и ментальной установки на восстановление преемственности социальных и культурных изменений. В этом глобальном мегатренде современного цивилизационного развития отражена суть «консервативной революции», охватившей значительную часть политического истеблишмента и активно продвигаемой определёнными кругами социальных теоретиков и практиков. «Беспочвенность» либерализма и коммунизма как реликтов «проекта Просвещения», проде-

монстрировавших свои негативные плоды в модернизационной практике традиционных («незападных») социумов, а также откровенный провал ряда проектов радикальной вестернизации, актуализировали альтернативные, в том числе традиционалистские, консервативные, фундаменталистские практики общественных изменений. Отечественная политическая и социальная реальность естественным образом не могла остаться в стороне от этих изменений. Россия, будучи неотъемлемой частью восточноевропейского цивилизационного и геокультурного пространства, переживает схожие процессы посткоммунистической стабилизации, которые актуализируют запрос на консерватизм, «на те традиционные, досоциалистические ценности, которые на новой, некоммунистической основе могут объединить нацию» [23, с. 3].

«Консервативный бум» в России, начавшийся в 1990-е гг. и подогреваемый конъюнктурными изменениями в её внутренней и внешней политике, продолжается, в связи с чем активно реанимируются и реактуализируются имена многих отечественных мыслителей прошлого, внесших свой вклад в российскую консервативную традицию. Важнейшей теоретической проблемой в этой связи является оценка степени релевантности опыта прошлого в нынешнем социально-политическом контексте [17]. В каком отношении могут быть использованы и применены теоретические построения, например, П.Б. Струве, политико-правовые концепции И.А. Ильина или социально-философские штудии Н.А. Бердяева в российской социальной практике XXI в.? Как увязать их теоретический опыт, проистекающий из аналитики вековой давности, с тенденциями и трендами в общественной жизни современной России?

Положительный ответ на вопрос о высокой степени релевантности традиций консервативной общественной мысли нынешнему «социальному заказу» на консерватизм заставляет ещё раз обратиться к проблеме выявления сущности и природы данного идеологического и мировоззренческого феномена. Как нам представляется, феноменология консерватизма может быть отнесена к разряду наиболее дискуссионных и теоретически сложных политологических тем и связана в первую очередь с рефлексией относительно идентичности консерватизма как идеологического направления и как общественно-политического течения современности [25; 26].

По утверждению ряда современных исследователей, сложность теоретической рефлексии политических, социальных и культурных оснований консерватизма связана в первую очередь с тем, что он, по сути, является надклассовым и сверхидеологическим феноменом общественной жизни [1]. Консерватизм изначально призван преодолеть узкие рамки той или иной политической программы или платформы и в действительности яв-

ляется «системой воззрений в отношении окружающего мира», «особым типом сознания и политико-идеологических ориентаций и установок...» [2, с. 74].

Не случайно, что консерватизм как тип мировоззрения, выражая глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, являясь формой конструктивной реакции на поверхностный инновационизм современной эпохи, имеет глубинные основания в психологии массовых слоёв населения [24, с. 101–102].

Исходя из базовой гипотезы о возможности рецепции отдельных идей и положений отечественной консервативной мысли первой половины XX в. в современной государственной практике, необходимо вычленить специальные положения и принципы консервативной доктрины, дабы оценить потенциал консервативных идей в развитии современных политических систем и институтов. Упрощённые концептуализации и схематизации консерватизма, как показывают современные исследователи, приводят к одиозности оценочных суждений относительно консервативной теории и практики, выхолащиванию сущности отдельных его положений [4; 5; 19].

Несмотря на указанные сложности в теоретическом анализе консервативной доктрины, в политической науке существует определённый консенсус в оценке отдельных положений консерватизма в качестве современной идеологии и общественного мировоззрения. В первую очередь это касается характеристики онтологической основы консерватизма. Как отмечают современные учёные, консерватизм «бытийствует» на философском обосновании «ценности устоявшегося миропорядка с признанием естественности и необходимости эволюционных изменений» [14, с. 121]. Полноценный анализ консерватизма строится на базе системной методологии и, кроме того, предполагает активное использование методов исторической компаративистики. Конкретно-исторические проявления консерватизма в той или иной национальной традиции могут быть выявлены в рамках ситуационного анализа, предполагающего учёт всей совокупности факторов и контекстуальных связей, повлиявших на становление и развитие национальной консервативной идеи.

В целом, идентичность консервативных течений и направлений определяется по шкале соответствия-несоответствия таким его базовым основаниям, как традиция, преемственность, особый пиетет по отношению к ценностям предков и т. п. [3] Чрезвычайно важно, что в современном понимании консерватизм принципиально дистанцируется от различных проявлений реакционности и обскурантизма, клерикализма и ксенофобии. Парадоксально, но консервативная идеология оказывается комплементарной современным инновационным практикам в политике и общественной

жизни, например, «модернизации», которая в этом случае оказывается «консервативной» [19, с. 184].

Творческий характер консерватизма прослеживается не только в трудах «отцов-основателей» русского политического консерватизма XIX в. [7; 16], но особенно чётко артикулирован в ряде программных положений политической философии консерватора века XX – И.А. Ильина, в том числе в идеократической концепции «творческой идеи нашего будущего» [11; 12]. По мнению Ильина, Россия более всего нуждается в самостоятельном национальном творчестве. Основы национально ориентированного творческого сознания начинаются с единичного творческого акта отдельной личности, перерастающего во всеобщий процесс становления творческого уклада души нации в целом. Ильин специально делает оговорку относительно возможностей и перспектив регрессивных возвратных движений в истории, называя это феноменом «безыдейной реакции». Идея восстановления и возрождения России в интерпретации Ильина – это не идея реставрации и регресса, а идея духовного обновления России в новых общественно-политических условиях. Отечественный философ не видит противоречий между «вековыми традициями» русского народа и русского государства и творческими импульсами будущих преобразований. Новый русский строй, новая государственная Россия, по его мнению, будет не в виде реакции, а формах «творческой новизны», свободной от всяких чуждых заимствований: «Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна „заимствовать“. Она должна сама создать и выковать своё общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для неё и будет спасительно именно для неё...» [9, с. 338].

В теоретизировании по вопросу идентификации консерватизма в качестве самостоятельного течения общественной мысли большое значение имеет проблема соотношения сильной государственной власти и самостоятельных гражданских институтов в практике государственного строительства. Когда говорят о существующем балансе сил между властью и обществом, имеют в виду достигнутый уровень status quo в практике их непосредственного взаимодействия в решении наиболее значимых социальных проблем. Как отмечает ряд современных авторов, сущностное конституирование консервативной доктрины отражено в тезисе «о тождестве институтов государства и общества, снимающем противоречие между властью и социумом» [22, с. 20]. В данном случае, консерваторы разрушают либеральный миф о неустранимом историческом антагонизме, существующем в отношениях государства и гражданских структур. Консервативные теоретики настаивают на неразрывной связи государства и общества, на

органической целостности и духовном единстве всех общественных институтов. Во взглядах консервативных мыслителей можно зафиксировать причудливое сочетание этагистских и патерналистских воззрений, социоцентристских представлений и идеократических догм.

Тоталитарно-идеократическая модель государственной власти, по мнению Ильина, эксплицирована в идее православной самодержавной монархии в России. Православная автократия и идеократия в своём идеализированном виде представляет пример гармонизации отношений сильной государственной власти и общественных структур. Факты злоупотребления властью, преувеличения государством «своего призвания и своей сферы действия» не отменяют основополагающей характеристики сильной власти в качестве «общественно-выделенной и организованной силы <...> средоточия уполномоченной и могущественной воли, которую все признают, уважая её, подчиняясь ей и исполняя её требования и законы...» [9, с. 404].

Единство государства и общества, по Ильину, обеспечивается единством восприятия национальной идеи, разделяемыми всем обществом трансцендентальными ценностями, общностью духовной жизни. Деформации в практике государственного управления в России всецело связаны с кризисом духовных основ общественной жизни, который в свою очередь спровоцировал кризис во всех других социальных сферах – правовой сфере, политическом строе и хозяйственном укладе. Ильин в данном случае демонстрирует рефлексию органических оснований общественной жизни и противопоставляет им механицистские модели социального переустройства.

Наиболее спорным и сложно верифицируемым тезисом Ильина является его социальная максима о единстве духовных основ жизни российского общества. Очевидно, что в определённом смысле мы имеем дело с фактом безусловной идеализации, а порой, и мифологизации социальной реальности. История российского общества демонстрирует нам немало примеров конфликтности и антагонистичности, открытого противостояния и противодействия общественных институтов и институтов власти. Наличие острых социальных и политических конфликтов в истории России является безусловным фактом её общественной жизни. «Цивилизационный провал», отождествляемый с событиями Великой Смуты начала XVII в. или национальная катастрофа, аналогичная революционной Смуте начала XX в., являются в большей степени продуктами естественного (органического) развития её социальной и государственности. Внешние факторы или следы так называемого «некритического заимствования» иноземного социального опыта оказывали на указанные процессы второстепенную подчинённую роль и не могут быть

приняты в качестве основных причин в объяснении череды кризисов «национального самосознания», периодически поражавших российское общество на протяжении его многовековой истории. Постулируемая консерваторами мифологема «национальной идеи» имеет мощное пропагандистское значение, безусловный мобилизационный и интеграционный потенциалы, что в целом не отменяет её характеристик в качестве откровенно спекулятивной и метафизической идеи современной (модернистской) мысли.

Представленные нами критические замечания относительно отдельных положений консервативной доктрины не должны быть интерпретированы в качестве своеобразных «похорон консерватизма», лишающих консерватизм зримых перспектив в будущем политическом развитии России. Наоборот, как мы утверждали ранее, наблюдается своеобразный «консервативный ренессанс», зримые черты получает так называемая «консервативная революция» в общественном сознании. Консерватизм, конечно, уязвим для рациональной научной критики, но как общественное явление он настолько неоднороден и противоречив, что требует для своего полноценного исследования многомерных комплексных аналитических процедур.

В первую очередь это касается построения корректных и научно обоснованных типологизаций консерватизма, включающих его различные направления и течения. Как показывает анализ, консервативное движение не просто гетерогенный социально-политический феномен, оно имеет различные оттенки и сочетания во внутреннем спектре собственных идей и принципов. Известный популяризатор творчества Ильина Н.П. Полторацкий фиксирует принципиальное размежевание внутри консервативного лагеря уже в первый постреволюционный период, когда оформляются два противоположных направления – консерваторы-непредрешенцы и «партийные монархисты» [18, с. 368]. Противоречия между «свободными консерваторами» и служебными «официальными» консерваторами, по мнению В.Н. Шульгина [27], имели принципиальное значение, поскольку затрагивали как вопросы политической стратегии развития России, так и конкретные практические шаги по реализации будущих социально-политических преобразований.

В ряде классификаций [15] консерватизм определяется по столь многочисленным, противоречивым, а главное, сомнительным с теоретической точки зрения основаниям («консервативно-народнический», «прагматический», «эстетический», «бюрократический», «эволюционный», «имперский», «правовой», «либеральный», «парламентарный» и т. п.), что складывается впечатление о его всецело ирреальной и химерической природе. Консерватизм предстаёт неким «реифицированным» феноменом, который в действительности утверждается лишь в своём абстрактном теоретическом статусе.

В исследовании современного российского консерватизма, по мнению А.Г. Дугина, мы встречаемся с феноменом «фундаментальной полисемии», то есть неустранимой многозначности предметных областей консервативной идеологии. В существующих дефинициях консерватизм предстаёт в качестве парадоксального, противоречивого, абсолютно гетерогенного набора социальных явлений, сложно редуцируемых к одному концептуальному пространству, к одной идеологической основе. Дугин предлагает разделить консерватизм на три различных семейства (фундаментал-консерватизм, социал-консерватизм, либерал-консерватизм), каждое из которых конституировано специфическими только для него политическими и философскими кодами («политико-философскими матрицами»). Социально-политические воззрения Ильина отнесены указанным автором к монархической форме «фундаментал-консерватизма», который в любом из актуализированных вариантов (регрессизм, проективизм, традиционализм) предполагает фундаментальную апелляцию к «экземплярному событию прошлой политической истории» [21]. В случае с Ильиным, таким образом, базисной отправной точкой политической истории России является многовековая традиция монархической (имперской) государственности. Однако воззрения Ильина из банального ретроспективизма уходят в область конструктивного политического проектирования и представляют собой план широкомасштабных изменений и трансформаций будущей политической системы России [10].

В консерватизме происходит переформатирование либеральной идеи инфинитности и нефинальности общественного прогресса. Либеральная догма «прогресса ради прогресса», в рамках которой общественное развитие понимается как процессуальность, инерциальное движение в направлении прогресса различных социальных форм, заменяется в консерватизме избирательной и чётко артикулируемой социальной телеологией. В этой дифференциальности и избирательности сущность консервативной идеи прогресса, когда «нечто осознанное поощряется, а нечто столь же осознанно блокируется», когда развитие «неотделимо от духовного и нравственного целеполагания» [6]. Коррекция политических действий в консерватизме предполагает качественное изменение идеи развития («девелопментализм»). Развитие, прогрессивные изменения не отрицаются, но сами эти изменения являются конструктивными эволюционными изменениями в рамках национально-ориентированных программ и моделей.

Наличие таких причудливых сочетаний, как «либеральный консерватизм» или «консервативная революция» позволяет сделать вывод об изначальной эклектичности консерватизма как социально-политического и идеологического феномена. В анализе творчества Ильина указанная эк-

лектика проявляется особенно рельефно и чётко. Предлагается множество различных взаимоисключающих дефиниций консервативной доктрины Ильина: «неоконсерватизм», «неомонархизм», «народный консерватизм», «либерализм», «духовный национализм» [8, с. 212], что, по нашему мнению, является доказательством тезиса о недостаточной теоретической проработанности отдельных положений консервативной теории. Консерватизм как бы сопротивляется излишней рационализации и номологизации его творческого наследия.

По мнению Л.Г. Ионина, консерватизм в отличие от либерализма или социализма характеризуется отсутствием чёткого доктринального ядра, поэтому он по преимуществу ситуативен и «реактивен»: «Возникает ощущение, что консерватизм – реактивная политическая идеология, то есть он имеет ценность не сам по себе, а как реакция на определённые политические и идеологические явления и процессы, или – шире – реакция на нововведения вообще. Но, если это так, значит, консерватизм всегда современен, будучи всякий раз порождением актуальной общественной ситуации» [13, с. 4]. «Реактивность» консерватизма обусловлена его антимодернистской природой. В определённом смысле консерватизм представляет собой опыт критической рефлексии в отношении идеалов и принципов «просветительства» и либерализма. Важнейшей характеристикой консерватизма является его универсализм, то есть способность преодолевать классовые, этнические, политические и иные социальные различия. Отсюда отмеченная нами ранее сложность в идентификации политической сущности и социальной природы консерватизма.

Ситуативность, реактивность и рефлексивность консерватизма можно признать важнейшими факторами его дальнейшей успешной реактуализации в современном политическом и социальном контексте. Консерватизм всегда современен, своевременен и востребован в зависимости от изменений политической конъюнктуры и изменения баланса политических сил. Сегодняшний дрейф российской политической системы в направлении консерватизма объективен, напрямую определяется актуальной повесткой дня и отвечает запросам нынешней политической элиты России.

Как утверждает Ю.Е. Шувалов, консервативный поворот в политике, экономике и общественной жизни не является произвольным выбором российской политической элиты, по существу, это «господствующий идейный и ценностный тренд самого российского общества» [20, с. 4]. Очевидно, что степень влияния консерватизма будет только возрастать как в ближайшей, так и долгосрочной перспективе, и по всей вероятности, консервативная идеология станет определяющим фактором всей политической системы России.

Вместе с тем возникает проблема корректной и соответствующей «духу времени» интерпретации консервативных взглядов и принципов. Какие смыслообразующие цели и задачи должен отстаивать и решать современный консерватизм? Учитывая отмеченную нами ситуативность и реактивность консерватизма, речь может идти об адекватной адаптации консервативных идей в современной политической практике. Можно согласиться с С.Г. Волобуевым, что в первую очередь требует более тщательной проработки и качественной аналитики само понятие современного российского консерватизма. Конкретизация отдельных положений современной консервативной теории может проходить посредством семантического анализа категории «сохранение», которая является этимологической основой концепта «консерватизм». Что, почему и каким образом «сохраняется», может быть решено в рамках комплекса взаимосвязанных аналитических процедур, позволяющих определить конкретные цели и задачи консервативного проекта в современной России. По-мнению Волобуева, объектом «сохранения» в консерватизме является «человеческий капитал», сложно восполняемые человеческие ресурсы. В отечественной консервативной традиции подобные действия получили название – «сбережение народа». «„Сбережение народа“ – задача, вытекающая из христианского понимания человека как образа и подобия Божиего. Признание духовного достоинства человека, его свободы и ответственности, означает, что в задачу „сбережения народа“ обязательно включаются аспекты нравственного возрождения и культурного развития каждого человека» [20, с. 7]. Почему же и каким образом можно «сберечь народ», согласно консервативной максиме «сохранения»? Ответ достаточно прост. Консерватизм в мировоззренческом смысле противостоит любого рода спекулятивным и умозрительным схемам и моделям и является «выражением подлинного реализма, учитывающим действительную полноту и действительные законы бытия» [20, с. 9]. Реализм консервативной доктрины позволяет избежать, с одной стороны, крайностей экономикоцентричных марксистских моделей, отказывающих человеку в праве подлинного свободного существования, и, с другой стороны, противодействует либеральному волюнтаризму и индивидуализму, восставшему против любых «тотализирующих» и репрессивных форм социальности и общественной солидарности.

Литература:

1. Белоус В.Г. К вопросу о «Феномене России», или Политическая современность как разрыв между памятью и воображением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2014. № 4. С. 134–140.

2. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994. 400 с.
3. *Горохов А.А.* Два подхода к пониманию русского консерватизма в истории социально-политической мысли России XIX – XXI веков // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 110–115.
4. *Гуторов В.А.* Консерватизм как альтернатива? Западная традиция и современная Россия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2006. Вып. 4. С. 4–20.
5. *Гуторов В.А.* Необходим ли консерватизм посткоммунистической России? // Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ. Факультет политологии. 2011. С. 127–188.
6. *Дугин А.* Новая формула Путина // Завтра. № 5 (1054). 30 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/novayaformulaputina/> (дата обращения: 26.06.2015)
7. *Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин. М.: Издатель А.В. Воробьев. 2001. 268 с.
8. *Есюков А.И., Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А.* Социальная философия русского консерватизма. Архангельск: Поморский университет, 2009. 276 с.
9. *Ильин И.А.* Очертания будущей России // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 338–352.
10. *Ильин И.А.* О сильной власти I // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 404–409.
11. *Ильин И.А.* Проект Основного Закона Российской империи // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 509–573.
12. *Ильин И.А.* Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 453–573.
13. *Ионин Л.* Консерватизм // Логос. 2005. №3 (48). С. 3–73. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/48/01.pdf> (дата обращения: 26.06.2015)
14. *Лотарев А.К.* К проблеме идентификации консерватизма в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2012. № 2 (22). С. 120–125.
15. *Матюхин А.* Православные основы политической философии русского консерватизма [Электронный ресурс] // Обозреватель – Observer. 2005. № 3(182). URL: http://observer.materik.ru/observer/N3_2005/3_12.NTM (дата обращения: 26.06.2015).
16. *Погодин М.П.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 778 с.
17. Политология как история идей: материалы круглого стола / *Андерсон К.М., Мыркова А.В., Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* и др. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. М., 2009. № 4. С. 65–81.
18. *Полторацкий Н.П.* Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение // Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М.: Русская книга, 2001. С. 243–469.
19. Российский консерватизм и вызовы современности // Тетради по консер-

ватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 128–228.

20. Современный российский консерватизм: сборник статей. М.: «НП-Принт», 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.storonniki.info/wp-content/uploads/2010/11/Izdaniye-sbornika-statey-Sovremenniy-Rossiyskiy-Konservatizm.pdf> (дата обращения: 26.06.2015).

21. Современный российский консерватизм // Политическая экспертиза: Политекс. Научный журнал. Т 4. № 2. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 175–214.

22. *Тарасов К.Н.* Проблема соотношения государственной власти и социума в работах И.А. Ильина в контексте общественно-политической доктрины российского консерватизма // Вестник Пермского университета. История. 2011. Выпуск 3(17). С. 20–27.

23. *Ципко А.С.* Какой консерватизм выберет сегодня Россия? (О мировоззренческих различиях между «реакционным» консерватизмом поздних славянофилов и русским либеральным консерватизмом начала XX века). М.: Институт социально-экономических и политических исследований, 2014. 79 с.

24. *Шириняниц А.А.* Возвращение к истокам? Консерватизм и партстроительство в современной России // Историческое образование. 2014. № 4. С. 99–117.

25. *Шириняниц А.А.* Консерватизм и партстроительство в современной России: возвращение к истокам или брань за «электорат»? // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. Гродно, 2014. № 3 (183). С. 131–142.

26. *Шириняниц А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 166–183.

27. *Шульгин В.Н.* Монархическая идея русского зарубежья (к вопросу о развитии свободного консерватизма в XX веке) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 6. 2010. С. 63–69. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_6_63_69.pdf (дата обращения: 26.06.2015)